

А. Н. Бажук. — „Петрушка“
(за сюжетом В. Н. Савинова „Бабка“,
под. Толмача и Визмбергъ).

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

ШОКОЛАДЪ КАКАО
ЖОРЖЪ БОРМАНЬ

№ 60—61.

1 ПОЛЯ 1916 Г.

Отд. №—85 коп., въ кіоскахъ жел. дор.—95 коп.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

№ 60-61.
ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
СЪ 15 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА

ЖУРНАЛ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ

1 ИЮЛЯ 1916 ГОДА.
ПЕТРОГРАДЪ.

ТУНИСЪ.—БСКРА.—„САДЪ АЛЛАХА“.

„Пустыня—это садъ Аллаха“.
Арабская пословица.

Большой итальянскій пароходъ медленно идетъ морскими ка-
налами, направляя къ Тунису. На дымбахъ, съ обѣихъ сто-
роныхъ канала, возвышаясь туземныя постройки, калары; французскія
лодки производятъ шумъ; блуждаютъ длинные вѣтры электрической
дороги; вода отъ парохода выбиваетъ на берегъ, обдавая черноко-
жихъ мальчишекъ, прижающихъ на берегъ; кое-гдѣ видны группы
пальмъ; солнце очень яркое, жгучее.

Валы, на плоскомя берегу виденъ большой бѣлый городъ,
это—Тунисъ.

Пароходъ останавливается у длиннѣйшей пристани, на ней
жарко—тама-тумаша; толпа сѣдланная, но пресладевать абы,
Суета, шумъ, крики. На берегу ожидаютъ удобныя, красныя пар-
вы колески. Ку-

черъ—арабы въ
красной фескѣ,
обнахъ на ло-
маномъ фран-
цузскомъ, пока-
зываютъ всѣ свои
бѣлые зубы, уса-
живаясь въ эка-
пакъ, шелка въ
бичомъ и быстро
идетъ, искусство
лавируя среди
громаднѣйшихъ
кучъ товара, сре-
ди бочекъ, ло-
маныхъ пластич-
ковъ, медлен-
ноушихъ ословъ,
а стрѣнныхъ
экспаней, всей
общей сумато-
шѣ и суетѣ
большого порта.

Поблизости
Jules Ferry за-
пыхъ быстро до-
ѣзжаетъ до отеля
„Tunisia Palace“.
Въ немъ можно
устроиться хо-
рошо: удобныя
комнаты, широ-
кіе прохладные
коридоры, ванны.

Тунисъ рѣ-
ко дѣлится на ту-
земную и евро-
пейскую части, и

даже туриста весьма цѣнно то, что туземные арабскіе кварталы
остались почти что въ своей первобытной неорганизованности. Въ
новой части нѣтъ ничего особенно примечательнаго, и хотя тунисцы
и называютъ свой городъ „маленькимъ Парижемъ“, но въ этомъ
„маленькомъ“ нѣтъ ничего парижскаго. Лишь одна главная улица,
Avenue de France, съ рядами бѣлѣнчѣхъ европейскихъ домовъ,
очень оживленъ и выглядитъ несомно; на тротуарахъ, обсаженныхъ
пальмами и каштанами, много сѣдланной публики, среди европей-

цевъ спускаютъ абы въ бѣлыхъ халатахъ. Повсюду слышатся фран-
цузская рѣчь. Масса магазиновъ, въ которыхъ бойко торгуютъ
всякой европейской артефакцией.

Avenue de France оканчивается старыми каменными воро-
тами—„Porte de France“, продолжившимъ въ остаткахъ стѣны. Проѣд-
ая, вступаешь въ туземную арабскую часть, въ Тунисскій базаръ—
„Суккин“. Овъ напоминаетъ всѣ базары Востока: и константино-
польскій—„Безестанъ“, и каирскій—„Муски“, и сирійскій и др.
Это безконечные лабиринты даже не улицы, а просто шлейфъ, слабо
освѣщенныхъ сверху куполовъ; они залиты тѣснотой шумной
толпой, повсюду свисаютъ абы, торгуютъ съ толпами, напоенными
различной туземной снѣдью, на которую туристы и аравянцы страшно

несколько емы и
шумъ, крики. Въ
такимъ узкихъ
рядахъ угадываютъ
бѣзосновныя на-
ружки, прямо подъ
ноги толпъ. Тор-
гуютъ абыми, и
главнымъ обра-
зомъ, мѣстнымъ
производствомъ.
Цѣлые ряды от-
несены подъ торго-
вую тѣнь; тысяч-
ны, синихъ и
красныхъ, вы-
сѣтъ гирадани.
Въ другихъ мѣ-
стахъ сосре-
тоточены лавочки
торговцы вся-
кими туземными
парфюмерными
издѣліями: про-
дуются какіе-то
пахучіе жидко-
сти въ бѣлыхъ
пузырькахъ и
трубочкахъ зъ.
Множество ла-
вочекъ торгуютъ
хорошими араб-

Общій видъ гор. Туниса.

скими матеріями и плохими европейскими товарами съ яркими
цвѣтами, привлекательными лишь для арабскихъ женщинъ. Эти
посѣдѣны цѣлыми толпами ходить отъ одной лавки къ другой;
покупаютъ, покупаютъ, оза, а остальные только присматриваются.
Женщины всѣ въ темныхъ или бѣлыхъ одеждахъ, съ закрытыми
лицами, лишь видны красныя черныя глаза и чуть обрисовы-
ваются сквозь полупрозрачное покрывало овалъ лица. Многія же-
нщины на лбу носятъ монеты и какой-то мѣдьяй шнурокъ съ

Город Тунис. Улицы Kasba и вход в Тунисский базар Soukki.

Между прочим, приходится добавлять, что Тунис, так как по-русски «Тунис» означает и вся страна Тунис и город Тунис, тогда как на других языках это название относится также Лажир и жюгит географическим названиям, и не только на Ст. Африк.

рыбной; женщины некоторых племен в висках и щеках слегка татуируются.

Но всего замечательнее среди туземного населения—это тунисские евреи. Сь дотациантального возраста их начинают успешно откармливать, как калдунов на убой, и уже ко времени выхода замуж еврейские длауши достигают веса примерно 5—6 пудов. Вь этом, сь их точки зрѣнія, и заключается главная красота и привлекательность. Такая «ама» медленно двигается по улиц, как ослепшая безформенная масса. На голов у подобной человеческой бомбы надета не шапка, а коническое сооружение, вь родѣ того, как носили въ доброе старое время волшебники. Сь вершины конуса спускается вуаль и, насколько это возможно, покрывает всю необъятную фигуру. Мужчины—всѣ рослые и стройные; всегда очень красиво драпируются вь буржуа. Часто попадаются жигане Центральной Африки—черные, сь сверкающими зубами.

Среди базаров вь туземном квартале расположились мечети. Их минареты отличаются оть строительных круглых минаретов Турии и Египта, они—квадратные, не особенно высокие, украшены ажурной резьбой; вход вь мечети туристамъ запрещенъ.

Одной из достопримечательностей Туниса считается городской парк «Беллен-деръ». Онъ расположенъ на окраинѣ города, очень большой, содержится вь порядке, много аллей и дорог. Посрединѣ парка высокой холмъ; оттуда открывается красивый видъ. Тунис широко раскинутъ на берегу, масса белыхъ домовъ сь плоскими крышами, кулонами и минаретами; вдоль наво море, его ярко синяя полоса краснотой ложится у белыхъ городскихъ зданий. Далеко вь море виднѣется морской каналь. Издали видно, какъ вагоны электрической желѣзной дороги блуждаютъ по узкой длабѣ каньеса, что они скользятъ прямо по волѣ. Яркое солнце наполняетъ все своимъ свѣтомъ; воздухъ прозраченъ и чистъ, только надъ портомъ поднимаются клубы пароходнаго дыма.

Сь наступлениемъ ночи, тунисские улицы дѣлаются боае оживленными. Кафе и безвѣстѣ наполняются вь рознь, музыка доносится со всѣхъ сторонъ; большіе магазинъ выбѣсы «канемо» испускаютъ повсюду.

Рядомъ отелемъ Tunisia Palace, при небольшомъ театрѣ, притѣлается рулетка особаго вида, пречемъ вьсто обычнаго шарика вь ней блещетъ шаръ, мелочной вь хорошей игре. Гладкая топа вь полномъ азартѣ тѣлится у столовъ. Нь сколько «канемо» устроены подъ открытымъ небомъ.

Поездъ изъ Туниса по направлению къ Константинъ и Бисеръ отходитъ рано утромъ. После европейскаго вагона, хотя бы даже итальянскаго, поражаютъ тѣ коробки, которыя, подъ названиемъ вагоновъ, катятся по рельсамъ Тунисской желѣзной дороги. Это маленькіе вагончики, вьнѣ изъстало, что между головой пассажира и 2 потокомъ промываемыхъ вь 2 потока вьдѣла для вѣнѣ вѣтъ, стѣны устроены такъ, что вь нихъ можно положить лишь

коробку шведскихъ спичекъ, не больше; чемоданы приходится держать на колѣняхъ. Нѣтъ ни уборныхъ, ни коридора; вьнѣ вагончикъ сь боковъ.

Арабы вь белыхъ балахонахъ пышно раскладываютъ на жесткихъ скамьяхъ; садясь рядомъ сь ними, можно совершенно потонуть вь белыхъ облакахъ матеріи. Вь рукахъ у каждого пассажира непрерывно соломенный жеръ, безъ него нельзя пускаться вь путь: жаръ и муха не дадутъ покоя.

Поездъ движется медленно, сначала вдоль залива, а потомъ поворачивается на западъ и идетъ по широкой белоснежной равнинѣ, вь срединѣ сѣрыхъ холмовъ, на которыхъ не видно ни дорогъ, ни жилищъ, ни единого деревца. Нобольные строенные кусты виднѣются тутъ и тамъ, часто встрѣчаются стада козъ; порхивая ушами, козы медленно переплываютъ сь мѣста на мѣсто.

Тунисская девушка.

Станции встречаются редко: они окружены рощами эвкалиптовых деревьев, арабы толпятся у загонов, некоторые шумно приветствуют своих знакомых из поезда, другие мазаново продают пассажирам огромные апельсины, воду и засиженные мухами и покрытые пылью туземные слани.

Духота из насой укажи, и едва только к вечеру, когда на небе загорятся звёзды, можно вздохнуть свободнее.

Уже поздно вечером видны огни Константины. Расписание составлено так: остроумно, что поездка из Константины вечером идёт, и поэтому волей-неволей приходится заночевать.

Константина чрезвычайно красивый город—он расположен на скалах на обоих берегах ущелья рвыи Ринсаль, через которое на большой высоте перекинута два легких мостика—один каменный, а другой—железный. Прямая красивая улица, чистенькие дома, много зелени—производят хорошее впечатление. Интересно здесь также арабские кварталы.

Поезд из Константины идет рано утром. Каменства равнина сменяется холмистой возвышенностью, по склонам ущелья растут деревья и кусты, пересохшие ручьи окаймлены кактусами, группы пальм повсюду поднимают свои расстрепанные вершины. Желтый, душной воздух весится наверху. Поезд приближения к югу, дорога заметно поднимается, поезд идет медленно, сзади приближаются второй паровоз.

Поезд проходит по ущелью Эль-Кавтра—„ворота пустыни“; высокие красноватые скалы острыми уступами сбывают вниз, среди них прорываю дорога. Наконец, асфальт отроп, скалы и группы пальм остаются позади, а впереди открывается широкая даль, бесконечные пески пустыни и даль розовых холмов. Дорога спускается в равнину, местность дышится оживленнее, встречаются жители, караваны верблюдов, пальмы растут пыльными рощами, между холмами бегут вода. Это оазис Бисра. Поезд останавливается среди желтых доминов.

Бисра—небольшой городок (около 8.000 жителей), состоящий из чистого ряда хорошо распланированных улиц; в центр города расходятся городской сад. Вдоль главной улицы, т.е. Berth, тянется зеленый густой бульвар; много юм, которые весело бьются в прорывах всюду канавках. На бульваре пыльными днями спускаются проводники, потопившие оазис и арабы без дела и занятый. Бисра полна попрошайками, гадами и просто бездельниками, которые похотели отравляют туристу его существование; ему никак не отказать от этих паразитов, и, куда бы он ни двинулся, они сейчас же наткнутся на араба, который слышит из короткая и лично окладит свою жертву.

В Бисре есть несколько хороших отелей (лучше из них закрыты с апреля по октябрь) с ресторанами, садами и террасами. Магазины—простые лавочки.

Тунис. Улица Tourbet-el-Bey из туземной части города; вдаль видна мечеть Zitouna.

1

Общий вид
Богородского
(зимой.)

БОГОРОДСКОЕ.

Переднего уезда, Московской губернии.

На 91-й версте от Москвы по Александровской ж.д. дороге, в 9-ти верстах от полустанка Шаликово, находится это имение, принадлежавшее князю Павлову. Имя же первоначально принадлежало графу Дм. Алекс. Гурьеву, министру финансов при Александре I, к тому времени и относится постройка каменного дома, так и прочих усадебных зданий. В старинном парке сохранились еще украшения времени графа Гурьева: над тротуаром

Соф. Сем. Павлова, владелица
Богородского.

Перечислена без указания
источника воспроизведения
картинки группы и портрета
князя Павлова воспроизведена.
Запись 20 марта 1911 года.

Дети владелицы Богородского.

Мраморная колонна с вазой над тротуаром в парке Богородского. Колонна приобретена гр. Гурьевым в Милане, откуда ее везли в Россию два года на лошадиных

стоять до сих пор. Большая мраморная колонна с вазой, вывезенная покойным графом из Милана, потребовалась два года времени для перевозки на лошади этой колонны из Милана в Передний уезд. На боковой, переезжая террасу в парк, увидеть художественной работы мраморный фонтан, также вывезенный из Италии; откуда же, вероятно, происходят и 4 мраморных статуи в парке, довольно хорошо сохранившиеся. Рядом по красоте парк раскинулся почти на 20-ти гектарах. В парке 11 переездов бетонных дорожек; среди парка выкопан большой пруд с двумя островами посередине.

Архитектура дома и усадебных зданий отличается простотой и изяществом и носит на себе несомненный отпечаток руки итальянцев-архитекторов.

Прежде чем перейти к описанию владения, имение прошло через несколько рук и многое здание и приусадебное из внутренней обстановки дома вынесено из здания, но все же из дома является много интересной мебели.

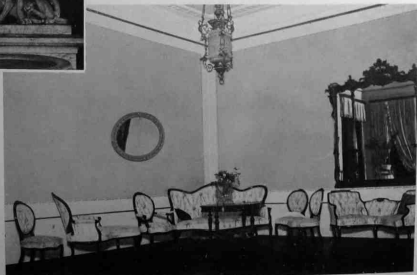
Заль въ Богородскомъ.

Помпейская мраморная группа въ нестибкомъ дома, вывезенная графомъ Гурьевымъ изъ Италіи.

Въ нестибкомъ дома сохранилась мраморная группа собаки съ щенкомъ, скульптура несомнѣнной художественной цѣности, — по рассказамъ стараго дворецкаго, доминъ живущаго въ усадьбѣ, группа эта вывезена графомъ изъ Помпей и будто бы находилась въ какомъ-то помпейскомъ домѣ и вывезена при раскопкахъ.

Одна изъ гостинныхъ въ Богородскомъ.

Китайская комната.

ДОМЪ НАРЫШКИНЫХЪ около Петрограда.

Новозимская дача ¹⁾ расположена из семидесяти верст отъ Петрограда по Петергофскому шоссе. Дача эта въ парствѣе Екатерины Великой принадлежала оберъ-штабмейстеру А. Л. Нарышкину. По преданію, Екатерина Великая неоднократно гостила здѣсь, останавливаясь по пути изъ Петергофа, и здѣсь же получила извѣстіе о Фридрихскомъ мирѣ со шведами. Въ память этого событія въ главномъ залѣ дома была поставлена владѣвшая статуя Императрицы.

Первая отъ Нарышкиныхъ къ роду Матвѣевыхъ дача получила названіе Ново-зимской, въ память принадлежавшей вѣкогда роду Мятлевыхъ Старой Зимней, перешедшей въ собственность Великаго Князя Михаила Николаевича.

Въ 1888 году дача была приобретена у В. И. Матвѣева за 300 тысячъ рублей и передана въ собственность Маринского попечительства о сѣлахъ, а въ 1892 году была принята въ вѣданіе Петроградской городской больницы комисіей для устройства въ ней больницы-колоніи для душевно-больныхъ.

Домъ владѣльцевъ дачи, расположенный въ вѣковомъ паркѣ, съ открытымъ видомъ со стороны моря, въ близости своей не лишенъ значительныхъ измѣненій и сейчасъ представляеть характерный образецъ барскаго загороднаго особняка.

¹⁾ Эта статья и С. Блюма въ Архивъ Художественнаго Исследования. — № 31.

Одна изъ бывшихъ гостиныхъ.

Собств. фот. „Столица и Усадьба“.

структура и длинным украшения здания обветшала, в пере-
голубаются трещины вследствие неравномерной осадки частей
однако, из архитектурных деталей ничего еще не испор-
чительно, чтобы было затруднено восстановление утрачен-

Совершенно иначе обстоит дело со внутренней отдушкой здания. Внутри оно подвергается многочисленным переделкам и лишь в немногих частях сохранило первоначальный вид. Парадная трехмаршевая лестница, занимавшая часть вестибюля, перестроена заново на двухмаршевую из особой калитки, отделанной от вестибюля капитальной стеной, что лишало входную часть здания обособленного характера.

Первый этаж за исключением указанной перестройки вестибюля и лестницы сохранился сравнительно лучше других и представляет ряд комнат с разнообразной и весьма любопытной отделкой.

В части этажа, отведенной в настоящее время под антеку, находится помещение отлично сохранившееся, со стилими, покрытыми во всю высоту деревьев со тонкой резьбой, со извилистыми мраморными колоннами, со оконными приделками, отделанными деревом, со зеркальными плано и со стилими, плафонами, в деревенных, несущих, разбитых в диагональном направлении. В сошедшей комнате сохранилась лишь длинная розетка плафона в том же стиле.

В другой стороне здания сохранились три смежных помещения, из которых среднее, служившее в настоящее время бильярдной, представлять выходящий интерес. Это комната со сферической аншей в глубин, декорированной двумя колоннами, несущая парадная и высокого художественного достоинства. Одна из дверей этой комнаты находится в Музей Старого Петербурга.

Не правда ли, как быстро время пролетело?
 Ты утомилась? хочешь, сидим отдохнуть,
 Мы даже не заметили, как солнце село,
 Въ лѣсу такъ хорошо! Мы здѣсь совсѣмъ одни,
 Приятно ко мнѣ. Душистая, дай мнѣ вдохнуть
 Дурманъ твоихъ волосъ. Поближе приклони
 Головку на плечо. Пусть непослушныя волосъ
 Неслышно для тебя, шепчутъ моимъ губамъ
 То, что еще не выдалъ мнѣ твой милый голосъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ СЕСТРЫ ПУШКИНА.

В ближайшем выпуске академического сборника „Пушкин и его современники“ будет напечатано продолжение переписки сестры Пушкина О. С. Павлищевой с ее мужем (1836).

В этих письмах, писанных по-французски, Ольга Сергеевна с принужденной болтовней передает мужу всякие новости, касаясь как родных, так и знакомых из обширного круга тогдашнего петербургского общества.

Как известно, отец Пушкина, Сергей Львович, передавал ему в управление свое нижегородское имение Болдино. Часть доходов с этого имения должна была поступать на пользу Олесь Сергеевны, и ее муж написал поэту письмо с требованием денежных расчетов. Между тем, два имения находились в крайне запущенном состоянии, доходов никаких оно не приносило, и письмо Панинашева только огорчило Пушкина.

— Зачем ты пишешь Александру? — говорит Оля Сергеевна: тебе письмо только поднимало из меня жутко. Я еще никогда не кидала его на таких раздражении. Они кричат до хрипоты, что мы скорее потопим отцы или, что имейте (могут быть, в том числе и жену?), чем оплотнеть дядю с Бодниными, с управляющим, с лембардами и проч. и проч., что тебе следует обратиться к управляющему, который должен знать все дело, потому что ему за это платят, и т. д. и т. д. Пожалуйста, напиши этому управляющему и скажи ему, чтобы он не смел ничего писать Александру, а писал бы дядю только с тобой, и распустил бродячий. Если же ты станешь писать Александру, то он будет до того, что он падает на шею, не расчитывая. Ему теперь придется бегать не меньше, он падает, 60 тысяч. Хорошо задано».

О Льве Сергеевиче Пушкин Ольга Сергеевна пишет, что сам был всякого расчета, тратить деньги ей надежды на помощь от отца и брата. Братья и на самом деле иногда помогали ему, покупая всякие, выданные им за краткосрочные долги, и затем убеждая кредиторов удовлетвориться гораздо меньшими суммами. Но это оказалось бесполезным, так как Лев Сергеевич продавал вещи прежнему другу. Прилетел же Александру Сергеевичу его кормить*, говорит Соболевский: кормить-то не била, а поить—наказывало*.

Кстати: Соколовский выиграл процессъ о 104 тысячахъ и получилъ ихъ, — счастливчикъ. Онъ собирается еще путешествовать по Европѣ, хочетъ съѣздить въ Испанію, единственную страну, ко-

Роспись в нише отчасти повреждена. В этой же комнате находится камин позднейшей работы и дурного вкуса.

Разомся с обильным расположением китайских колоток со стили-
нами, сплошь покрытыми расписными китайскими пави на метал-
лических стержнях в деревянных рамках. Здесь наиболее оригина-
лен пави, в котором по рисунку несколько грубому
фону, изображающему небесный свод, расположены приухо-
во, со стилом рисунка птицы и бабочки, наклеенные на пави-
фон. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что настоя-
щее убрание стили не является первоначальным, так как в
одной из дверей, даются отступы китайского пави, так как в
рисунки по стилистике пейзажного характера. Восточ-
ные стили, в которых стили не являются первоначальными, так как в

Второй этаж здания имеет антресольный характер, и, вероятно, в прежние время предназначался для помещений сто-рожевого и служебного назначения.

Вз третию атаж расположен главный двухствитый зава сохранивший свою обработку, но, кз сожалению, в настоящее время он находится близкому к разрушению. Зава перекрыты фалшивыми сводами, парадно и зь большим вкусом декорированными, но структура держится настолько слабо, что для безопасности натяжута стлжа по всей площади зава. Кроме потока и зава обращаются зь себя внимание двз хорошо сохранившиеся круглые паразитычные печи по углам зава и двз деревенные печи, тоже расположенные зь углах зава.

Кроме зала, въ этомъ этажѣ представляють лишь интересъ в одной изъ комнатъ старинная изразчатая угловая печь.

Въ мезонжъ въ четвертомъ этажѣ въ помѣщеніи бывшей дѣловой церкви сохранился оригинальный лѣтний карнизъ церковнаго характера.

Но что ты ишь давно, давно могла сказать.
Да, ты моя! Я вижу по твоим глазам,
Что и они не могут, не хотят молчать,
Да и зачѣм? Скажи, чего же намь скрываться,
Вѣдь мы одни. Одни на всей этой землѣ!
И намъ такъ хорошо! Такъ хочется отдаться,
Такъ хочется любить, безумно, горячо,
Ты, знойная моя, лоды, прижмись ко мнѣ,
Лаская меня, цѣлуй, сильный, еще, еще...

Илья Толстой.

торой онъ еще не знаетъ. Его стихотворное путешествие по Италии
очень смышлено*.

Не лишены интереса отзывы Ольги Сергеевны о русской литературе.

«Журнал Александра будет ирради Quarterly Review, т. е. будет выходить только четыре тома в год. Это будет журнал чисто антиинтерный, но я не знаю, буду ли в нем состоянием читать его: должна признаться, что теперь больше, чем когда-либо, и чувствую рьянейшее отвращение к русским книгам, особенно к тем, пор, как прочла пресловутый роман Лаврова — «Лейонова Дюма». Хватает вонючий роман! Скопых Шуйских! дивных Пушкиных, — французские! Вообще, как это дожно читать хомин? Что? Конечно, что, о том, на, надобно до нежности, и не в состоянии прочесть стихотворение даже в двенадцать строчек. Не понимаю, однако, что я ничего не читаю; напротив, я читаю по несколько книг в день, но, конечно, французских или английских...»

Сообщает Ольга Сергеевна также и знаменитых истинских ностальгиков, иногда сопровождающих их довольно извлекательными примечаниями, например: «Вообрази, что Вейдесмерц выбрал себя любя, чтобы сделать его повзросле, и помолодил от этого по крайней мере на пять лет». Не могу понять, как такая вещь могла бы так решиться. Говорит, нечто подобное сказала также С. Н. Карамзина (зачем историкограф): она выжила себя броне, которая была слишком широка. Мамзика ее видела и говорит, что от этого она пожурилась, — барышня в 36 лет. Также упоминает, что она сама пожелала...

[illegible]

П. Морозовъ.

П. Морозов.

ПО ПОВОДУ ВЕЧЕРА МОДЫ.

Мы всё читали еще не столь давно, что какой-то немецкий генерал обратился съ познаниемъ къ немецкимъ женщинамъ, требуя отъ нихъ меньшей расточительности и большаго патриотизма въ одеждѣ. Онъ советовалъ имъ перестать носить широкия юбки, на изготовление которыхъ уходитъ такъ много матеріи, и выработать національную германскую моду, которая могла бы избавить ихъ отъ зависимости парижскихъ портныхъ.

У насъ, въ Россіи, генералы, слава Богу, модами не занимаются. Но и у насъ, въ силу господствующаго на свѣтѣ закона подражанія (см. труды социолога Тарда), нашлись проповѣдники, а главнымъ образомъ престестныя проповѣдницы скромности и экономіи въ одеждѣ, возврата къ національному костюму, или примѣненія этого костюма къ требованіямъ современной моды. Такимъ то образомъ было положено начало „освободительному движенію“ въ области одежды и началась похоть противъ заморскихъ нарядовъ, похоть привелъ насъ къ „знаменитому“ вечеру русскихъ модъ, 14 мая 1916 г.

Необычайно трогательно звучалъ призывъ къ русскимъ женщинамъ въ устахъ очаровательной Т. П. Карсавиной.

„Стоитъ лишь—говорила она (приблизительно)—попросить нашихъ милыхъ художниковъ нарисовать намъ платья, о, конечно, совершенно модныя, какія теперь носятъ, но скопированныя по мотивамъ русской національной одежды, и приказать ихъ сдѣлать русскимъ портникамъ изъ русскихъ матерій, какъ уже и получится русская мода. И тогда? О, тогда, мы поѣдемъ въ Парижъ и покажемъ Парижу нашу моду и Парижъ преклонится передъ нами и будетъ заказывать у нашихъ лучшихъ портныхъ платья изъ русского матеріала, по рисункамъ русскихъ художниковъ! И тогда берега Мойки и Фонтанки, не говоря уже о Морской, будутъ совершенно похожи на тротуаръ rue de la Paix“...

Да, конечно, вечеръ модъ былъ удачнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ главнаго: показать обыденная женская одежда, „русского“ стиля, изъ русского матеріала, сшитая русскими портниками, и не для русскихъ комедянокъ и русской сцены, а для русскихъ буржуазокъ и для будничной жизни.

Но не въ этомъ суть дѣла. Суть дѣла въ томъ, можетъ ли кто объяснить мнѣ, что такое русская, французская, немецкая или иная какая мода, въ нашъ XX вѣкъ? Всѣмъ извѣстны тѣ источники, откуда черпали и продолжаютъ черпать матеріалъ для своего вдохновенія парижскіе портные и портники, которые, кстати сказать, были до войны наполнены иностранцами и, главнымъ образомъ, германскаго происхожденія. Многизмъ, вѣроятно, памятна эпоха русскихъ балетовъ въ Парижѣ всѣхъ этихъ „Шехеразидъ“, „Исламеевъ“, „Половецкихъ танцевъ“ и т. п., породившихъ „créations“ Поля Пуаре, сестры Кало и прочихъ маговъ и волшебниковъ иглы и ножницъ. Но еще ранѣе этого увлеченія Востокомъ, парижскіе портные не въ меньшей мѣрѣ увлекались античными столами и пеллосами Айсдорфа Дункана, иными переливами тоновъ на нарядахъ эксцентричной Лойи Фуллеръ, или рисунками фантаста Обри Бердслея, породившими моду на „blanc et noir“.

А еще прежде романтизмъ испанскаго театра Виктора Гюго уступилъ мѣсто платьямъ, скопированнымъ по картинамъ и рисункамъ префазаитовъ, итальянцевъ Боттичелли и Бонфиглио и англичанъ Бернса-Джонса, Миллеса и Данте-Габриэля-Розетти.

Французскій „Шатикслеръ“ еще усиливъ увлеченіе экзотическими згретками, марабу и другими

птичьими украшениями, а нео-романтическое увлеченіе Венечей сдѣлало очень модными платья инспирированными граціозными женскими силуэтами очаровательнаго Пьетра Лонги, этого пѣвца и бытописца прелести Венеціанской республики конца XVIII столѣтія.

Если же мы возьмемъ періодъ теперешней войны, то замѣтимъ, что мотивами современныхъ платьевъ и вообще всего женскаго туалета являются съ одной стороны русской арміи, русская косоворотка и русскіе же сапоги, а съ другой шотландскія шапочки и юбка, арабская „шейша“, марокканскія „бурнусы“, не говоря уже о бельгийскомъ „bonnet de police“ и французскомъ болеро.

Да, конечно, всѣ эти мотивы были переработаны и видоизмѣнены въ Парижѣ. Но это, главнымъ, если не единственнымъ образомъ, благодаря парижскому „tour de mains“, извѣстному парижскому шку и парижскому вкусу, благодаря также качеству и красотѣ французскаго матеріала. Но какъ парижскій шикъ, такъ и парижскій вкусъ не есть что либо самобытное; французскій вкусъ утончался столѣтіями, съ помощью разныхъ иностранныхъ вліяній и заимствованій, сначала подъ вліяніемъ испанскимъ, потомъ итальянскимъ, подъ конецъ даже англійскимъ (правда, въ гораздо меньшей степени).

Въ свою очередь французскіе ремесленники, artisans—далеко не самородки. Но какъ на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ выдѣлываютъ шелка, бархаты, полотна и тонкія сукна, такъ и въ тѣхъ мастерскихъ, гдѣ выработываются и комбинируются рисунки узоровъ и пробуются цвѣта матерій и приклада, существуютъ традиціи, часто привезенныя изъ за Альпъ, или еще изъ туманной Фландріи, существуютъ профессиональная любовь къ дѣлу, результатъ незауряднаго умственнаго уровня, существуетъ терпѣливый, подчасъ даже тяжелый трудъ, однимъ словомъ всѣ тѣ особенности, которая встрѣчаются почти въ одинаковой степени у всѣхъ ремесленниковъ западной Европы. Эти особенности ничто иное, какъ результатъ многовѣковаго подбора, постоянныхъ обоюдныхъ заимствованій и вліяній.

Тѣ же самыя причины сыграли видную роль и въ исторіи національнаго костюма. Уже съ XVI вѣка не только высшіе, но и средніе классы всей западной Европы носили почти одинаковую одежду, и уже тогда существовала „мода“, которая за исключеніемъ незначительныхъ деталей была одинакова, какъ на берегахъ Сены и Темзы, такъ и въ Эскуриалѣ, при дворѣ Медичи и въ палатцахъ Венеціанскихъ дождей. Но еще ранѣе этого національные костюмы были сданы въ архивъ, потому что ихъ обособленность бросалась въ глаза и претила разуму человѣчества, выходящаго на великую дорогу международнаго общенія и труда.

Собственно говоря, „національный“ костюмъ у европейскихъ народовъ никогда не существовалъ. Не существуетъ, строго говоря, національнаго костюма и у русскихъ. Тѣ наряды, освѣщенные традиціей, которые носились московскими боярами и боярынями, были „русскими“ только по давности. Мотивы ихъ и матеріалы, изъ которыхъ они дѣлались, имѣли иностранное происхожденіе. Кокошники, душегрѣйки, фаты, кафтаны и проч.—мы знаемъ откуда они пришли къ намъ, и какъ мало было въ нихъ первоначально „русскаго духа“.

Безплодность всѣхъ попытокъ націонализировать „моду“ всего лучше была продемонстрирована въ тотъ знаменательный вечеръ 14 мая самими же художниками, авторами рисунковъ, по которымъ

и сданными парадя г-жи Карсавиной, Липовской, Шершневской и других. Некоторые из них, как я нашла, платье по рисунку князя Шершневского, платье г-жи Барашъ съ вариантомъ „fichu à la Lamballe“, изъ старыхъ русскихъ платковъ, или Анн-Фелды (красное вечернее платье Т. П. Карсавиной „top sur top“—однако, вѣроятно, очень кричащее при дневномъ свѣтѣ), или даже красное манто по эскизу Судейкина, для г-жи Глѣбовой-Судейкиной—всѣмъ своимъ обликомъ, позой и костюмомъ напоминавшей мнѣ эксцентричные, но не дикие графини съ моды лондонскихъ модницъ со страницъ „Ladies Field'a“, „Tailor'a“ и „Sketch'a“—могли бы быть надѣты нашими модницами и въ рамкѣ обыденной жизни. Но русскаго въ нихъ было очень мало. Остальные же „туалеты“ поражали своей театральностью, своей вычурностью и непрактичностью. Рисунки и краски были нарочито бьющія на эффекты, въ нихъ ничего не было благороднаго, ничего, понятнаго „национальнаго“, а гдѣ болѣе скромнаго.

Конечно, я знаю, что народы наших отечественных провинций весьма часто грешат именно отсутствием этого благородства, того, что французы называют *"distinction"*, или еще скромности, тем не менее я быхотъ объ заявлять, что не многа рѣшился бы надѣть нѣкоторыя показанныя намъ въ тотъ вечеръ платья.

Впрочем, что наши «элегасы»? Я смотрел в тот вечер на многочисленную публику, собиравшуюся в «Палас-Театр» и еще лишний раз убеждался, как мало у нас вкуса, изящества и чувства меры. Увидавлив себя драгоценными камнями, разного рода побрякушками, аисты, что рубить в глаза, подобно неграждам и людоедам, ням-ням!» — вот это мы любим и умеем! На это мы тратим последние деньги.

Болшевиная страсть к мизантропии, к интимным признакам богатства — показатель невысокой и неуточенной культуры — замешивать у многих из эстетических потребностей. Да и то сказать, кто из нас может учить извистству, чувству мзры и благородству? Кто может показывать на себя пример утонченности и «хорошого тона»? Наши художники? актрисы? или наши мужчины из «общества»? Но наши доморожденные Брюмели и Оскары Уайлды держатся и одваляются порою, как шеголи черной республики Либеня.

Впрочем, о мужской эlegantности не может быть у нас и речи: ведь две трети мужского населения России носят мундиры и ходят в форменных фуражках. Остаются значить наши представители прекрасного пола. Но сколько же из них являются законодательницами моды, хорошего тона и всего прочего?

Русскій прижаникъ.

У КОЛЕКЦІОНЕРА М. П. ФАБРИЦУСА.

Из прочного гоуа умерли один из величайших коллекционеров, известный писатель, генерал-майор Мик. Паул. Фабрикус, живший последние время около г. Каса в своем поместье. Когда я узнал обо его смерти, несколько пошутил: мне где же теперь, что худшая картинная галерея, собрание рыхлого старинного фарфора, единственная из своих родов старая коллекция русских и скандинавских изделий из беркута, относящихся к концу XVIII и началу XIX столетия и ценные образцы нефрита, вырезанные из камня Саянского края?

Сравнительно еще недавно, всего лишь 7—8 назад, они жили в Петербурге на Троицкой улице и там же в обширной квартире помещались собранный ими сокровища искусства, буквально все книги и простейшие от посуды были украшены позолотой.

Она повсюду с собой имела охотничьи принадлежности: выставки, показывая изделия своего музея, и на портретной выставке, бывшей в 1901 г. в Ахматовском музее, и в 1903 г. на выставке русских исторических портретов в Эрмитаже, и на дворян, и на первой керамической выставке в Петербурге. Многие знатоки издают из бумаги — сергиев, замешанных, колпаны, брошки, пояски, сорочки и прочим украшениям, красно разложенным изнутри их кафельной браны.

Поклонник ирской, красочной жизни, Фабриусу не любил себя ни в чем отказывать и, увлекшись, например, картинками, он не останавливался ни перед какими затратами, чтобы приобрести к ним подходящие еще какой-нибудь новый холст крупного художника.

Съ 1870-х годовъ много сотенъ картинъ переносило въ рукахъ собиратели, но сѣмъ умѣлъ отыскать лучшее и, такимъ образомъ, сгруппировать болѣе 300 картинъ, портретовъ и этюдовъ. Какъ русскія школы, такъ и школы иностранныхъ художниковъ по извѣщенью у меня замѣчались, отчасти по памяти, я попыткою, вѣрнѣе излагать не то цѣлое и рѣдкое, что сохранялъ у себя покойникъ коллекціи.

В великоформатных образах проходят перед глазами иностранные художники: знаменитый уже ищущий Васнецов, затем Гоббс — последний крупный представитель национально-натурлистического направления в голландском пейзаже («Водная мельница на лугу», Дрохтлоот), «Нападение рыбаков на льда», Давид паж-Гейль (горный вид), картины которого очень редко встречаются по музеям, Микеланджело («Потоп»), Фабриано Джентиле («Поклонение волхвам») в разной раме XV столетия, исключительное живописным богатством и дарами XIV столетия.

каршпеніе художественнымъ орнаментомъ (въ двухъ и трехъ лицахъ) святыхъ Іоанна и Ісая, Теніръскаго манастира, (Искусство св. Агостіно). Въ 15-мъ столѣтіи итальянскіе живописцы въ Римѣ, зашедшіе новыми пути къ правдоу въ воспріимчивую природу, (Амуръ). Картина „Страшный судъ“ принадлежатъ кисти какого-то мастера и нижегородской школы, начала XV вѣка, въ которой, однако, многочисленныя заимки, послѣдствіе каковой картину М. П. Фабрицкая, усматривала Гиза Мемлина — лучшаго представителя сторонническаго традиціи. Комковские „Страшный Судъ“ весьма напоминая картину этого же художника въ Кенігсбергскомъ соборѣ. На обратной сторонѣ позолота изображенъ евангелистъ св. Маркъ съ свѣтителемъ въ правой, покровѣ, и въ лѣвой — въ щипцѣхъ, съ которыми онъ держитъ въ рукахъ. Всѣмъ, проведшимъ въ иностранныхъ живописныхъ смѣлы 70. Но, разумеется, главный интересъ музея Фабрицкая — въ картинахъ русской школы, которыхъ насчитывается до 235.

Во главе жанра красуется А. Венецианов, первый изобразивший нашного просторного быта («У колодез», «Маяя женщина с прислужницей», которая собирает одышку госпожу из костяной Даны с предостережением маскарды). Далее идут русский Хосерос («Сотворил, удаляясь от нас», Пундуним, одиозный и трагический персонаж), самостерженный и упорный мастерство, безвременно похищенный, из бонифа за свое высокое признание».

сатиры-юмористы раньше других наших живописцев
и оканчивая на общественные вопросы, затронули в литературе. У Фабриуса собраны следующие его вещи: один из
партизан из влюбленного тету. «Полуночь», «Балаган на Амери-
канской площади», «Фельдебель» (николайский эпоха и «Родной
момента» (объявление будущего теста с женихом о придином).

В хороших образах фигурирует Леонтий Солоникин, картины которого являются очень высоко, как большая ржавость, особенно в частях колесных. Художник этого работа с удивительной энергией до 60-х по 80-е годы, перебрал подчас собственные выгоды и жертву исключительно лаской для дорогого искусства. Он искал сюжетов повсюду, от блестящих опер до почтенных домов, включительно, и убиты двумя-тремя мажми, как Тенарис, передавая характер и душевные нагибы своих действующих лиц.

Вот, что бы, его «Охотник». Сюжет крайне любопытен и полон юмора: два солда, запертый охотник — в романовском полушубке и любитель — в бахлях, желтых перчатках, колош — с саванной, вылетя патриона, сохотел уже сваненник переключить на путь. Так и кажется, что горе-охотник разочарован, увидя, *дураку прямую*, и в першпективе, — не вернуться ли лучше домой?

Еще безобразно «Савельички», «Чиновинок с флюсом», «Зависка сая» на Малой Неве при слабом проблеске утешной жары, брошенной в ладони розовые паутины, наконец «У постели умирающего ребенка», где гармонично сплетаются два противоположных начала — драма и комедия.

Из перспективных выдвигаются четыре первоклассных мастера: К. Зеленов (перспектива комнаты), П. Верещагин («Кремль» и «Токуэй рынок» в Китай-городе), А. Вороникин (проектный перспективный вид изнутри Казанского собора) и С. Зарико («Видение Аничковского дворца»).

От перспективной живописи Зарико перешел к портретной, и в галерее Фабриуса есть его работы портреты О. Борщовой (рожденной гр. Кутайской).

Из первоклассных мастеров имеется В. Л. Боровиковский (1757—1825 г.), давний портрет незнакомой дамы, держащей на

руках ребенка в морском мундире с двумя мальчиками крестами на груди.

А вот портрет известного адмирала Шишкова, второго адмирала, «Рассуждение о любви к отечеству», работы известного Ореста Кипренского, одного из лучших художников, когда либо вообще явившихся по России.

Некая проты мечтанием мало кому известный портрет Ивана Мазепа (из шкатулочных наряд), кисти польского живописца Марцианского (1854 г.).

Достоин внимания также портрет поэта А. Н. Майкова, изображенный учеником К. Брюллова, П. Михайловичем, из перья 50-х годов, т. е. во время выхода из сибирь его первого тома стихов.

Из исторических живописцев укажу на великого Александра Иванова, великого живописца «Явление Христа народу», «Проводы Христа ученикам в Иерусалим», из батальных — на П. Суходоловского («Взятие Плевны»), высот генералов Румо — из 1876 г.) и на Н. Самокина («Каладергары на маршале»).

Из сотни картин трудно перечислить все выдающиеся. Тут и Сильвестр, Щедрин («Возвращение»), и Н. Е. Репин («Голоса мужиков» из восточных жаров), и Н. И. Шинкарев («Ручей из восточных сосновых лес»), и Федор Васильев («Жигуля» и автопортрет, отраженный из зеркала), и Троицкий («Кружевница»), А. Корзухин, О. Гофман, А. Орловский, Амазаский, Крамской, Васнецов, Гусев, Дюжов и многие другие в отвлеченных образах.

Давное впечатление дает отсюда нашего пейзажа, Максим Воробьев, которому так удалось «Синтогорье», — один из живописных домов, Малороссии, лежащий на правом берегу Днепра (домик (ныне гр. Рабичева)).

Картинами галереи покойного М. П. Фабриуса хотелось бы видеть неразрозвившей гд-инбу из общественных музеев, а не в частных руках. Неужели она будет распродана по частям?

В 1936 г. Фабриусом было издано в ограниченном количестве перечня собранных им картин.

В. Уманов-Калумовский.

ФЕЛЬЕТОН.

Мне вспомнились большой ресторан на Бродвее в Нью-Йорке, повыше, у Центрального парка. Тамь всегда было полно, по-первых потому, что сравнительно — на американскую мьрку — недорого, а во-вторых, всегда играл во время обьедов духовой оркестр. Я зашел обьедать. Первое же, что оркестр играли, не необычайно раздражающее. Вь оркестр громадная труба, а сводчатый потолок большой залы еще усиливает звуки.

— Что это такое играют? — спросил я кельера.

Тот пошел узнавал и сообщил:

— Это называется. Motoring Fritz, Фриц їздит вь автомобиле!... Эти дикие звуки, этот реж и шум! — это подражание звукам автомобиля и гудку Фрица!

Вчера я просматривала американский журнал и нашел карикатуру.

Вь оркестр сидят двое музыкантов, один почти мальчик, другой старик. Мальчик играть на тромбоне. Мальчик обращается кь старику и спрашивает:

- Что будем играть дальше?
- Большой марш Суза.
- Что?
- Большой марш Суза!
- Чорт возьми!.. Я же только что его сыграл!..

Американская жизнь вспомнилась мне потому, что наша русская быстро перестраивается на американский манер. Она строится поанов вь своих своеобразных формах, но получается нечто сходное сь Америкой. Хотя бы недостаток прислуги. Многим, привыкшим обходиться сь литью, приходится довольствоваться теперь одной-двумя. После войны кое-что изменится, но многое останется. Дорогоизна создаст много новых условий, она застанит работать тех, кто до сего времени сидел сложа руки. Это благоприятнейшее влияние дорогоизны!

Перестройка пойдет глубже. Люди живущие на «штатное» жалование, окажутся вь крайне затрудни-

тельном положении — не хватить на жизнь. Частная предпрития повышают вознаграждение, но это повышение далеко не пропорционально росту цен. Казенные учреждения почти ничего не делают вь смысле прибавок, или очень мало. Чтобы сравнить сь прежним, нужно платить золотом, а это химера. Прибавят 20—30%, может быть 50%, а нужно будет прибавить 150. Что отсюда произойдет — совершенно ясно. Занятие чиновника перестанет быть тьм желанным карьером, на которое все так стремились сьть. Чиновничье благополучие отойдет вь область прошлого. Наиболее деятельные и сильные люди побьют изь чиновничья, чтобы заняться трудом, лучше оплачивающимся. А самый лучший по оплате труд — это, поинтию, личное предпритие, хотя самое маленькое, но за свой страх и риск. Это и наиболее трудное дело. Самое трудное — это инициатива. Еще труднее — не ижить, кто за тебя отвечает: поминте легенду о Великом Инквизиторе? Вь Америке давно пришли кь нашему теперешнему. И там каждый хочет быть прежде всего владельцем чего либо, хозяйном, хотя бы мелочью лавки.

Умасы войны создают благоприятнейшую обстановку для перестройки нашей жизни. Мы, русские увалы, которых ботия культуры должна была бы будить, раскачивать и расшатывать при мирном ходе событий еще цылая десятилетия, теперь повсюду проснемся сразу. И уже проснувшись, многие, начали работать... А иные еще печально трут руки: если сидят задумавшись, и не видят ясного выхода: если даже имсто должности стюлначальника сразу дадут начальника отделения и то не свести концы сь концами, ибо и начальник отделения также безпомощно трет сьбь лоб!...

Наибольше слабые останутся, болше сильные уйдут, освободившись мьста другим. Мьста окажутся не заняты, одному придется работать за трех, и тогда можно будет платить тройное жалование.

Надвяхъ мнѣ говорить одинъ чиновникъ, что въ ихъ канцеляріи ушло много народу и ему придется работать за восьмерыхъ, „едва справляется“. Значитъ, до войны, до встряски, восемь сидѣли и приспосабливали стулья, выслушивали чины и ордена и считали себя сольно земли. Теперь одинъ дѣлаетъ ту работу, что дѣлали восемь.

Этого только и нужно.

— Помилуйте—возмущался надвяхъ другой чиновникъ—онъ хочетъ лишить насъ субботняго отдыха дѣломъ... Но это не пройдетъ.

Этакій ужасъ. Подумайте! Хочетъ лишить субботняго отдыха... Всѣ воскресенія—отдыхаютъ. Всѣ двенадцатые праздники—отдыхаютъ. Всякіе иные праздники, которыхъ у насъ безконечное количество—отдыхаютъ. Впрочемъ, на службу являютъ теперь очень рано, чуть не въ 12 час. дня!

Теперь это вылезается. Когда нехватаетъ на ботинки, тогда меньше разговоровъ о субботѣхъ и табельныхъ дѣлкахъ. А въ государствахъ наиболѣе культурныхъ чиновники работаютъ съ 8 и 9 час. утра. Придется постепенно бросить и тотъ олимпійскій толъ, которымъ

встрѣчали простаго смертнаго. Можетъ быть бывшему олимпійцу придется начинать съ низшихъ ранговъ въ другомъ дѣлѣ, уже своемъ. Эти низшіе ранги своего дѣла оплатитъ трудъ лучше, чѣмъ высокій постъ чиновника, но на первое время трудненько лишиться этихъ привилегій прерогативъ власти и влияния. Понятно, что до сихъ поръ коллежскій регистраторъ былъ куда важнѣе купца или помѣщика изъ деревни, всю жизнь работавшаго и создавашаго свое благосостояніе. Теперь это постепенно уйдетъ, и уйдетъ не по чьей измѣнѣ воли, не властью великаго чело-вѣка будутъ измѣнены ранги и мундиры, а перестроить ихъ сама жизнь.

Въ Америкѣ эта перестройка произошла давно, мы пришли къ ней сегодня.

А изъ области музыки, и вообще вкусовъ и пониманія жизни мы не пойдемъ сзади за Америкой. У старой Европы здѣсь свое выдержанное, тонкое, вѣками созданное, лучшее умы міра работали. „Это старая хорошая фирма“—какъ говорилъ про Европу одинъ янки...

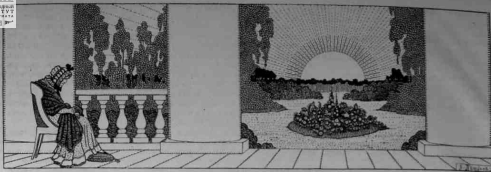
Все къ лучшему.

В. Л. Кривошеинъ.

№ 1. Августъ.

Августъ его царскаго величества близнецы и шуряки. Наивѣстнѣе вѣстнику Борису Петровичу Шереметеву и его величества Августа II. Жоржъ Жюльетъ, бывшій въ Архангельскѣ въ 1697 году

Закат. Рис. А. Штейн

СРЕДИ КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Н. Давыдовъ въ „Голосъ Минувшаго“ приводитъ выдержки изъ дневниковъ и записокъ своего дѣда со стороны матери А. П. Оболенскаго: онъ рисуетъ помѣщичій укладъ 40-хъ и 50-хъ годовъ. Оболенскій занималъ одно время постъ попечителя Московскаго университета, былъ человѣкъ по тому времени просвѣщенный и отличался постояннымъ стремленіемъ къ путешествіямъ, которыхъ, впрочемъ, ему не удавалось.

„Отецъ чрезвычайно любилъ путешествія и малые и большіе“—пишетъ сынъ А. П.—не шадя себя, обитая и осматривая въ путешествіяхъ мѣста съ рѣшительною все, что хотя сколько нибудь могло представиться интереснымъ. Вся жизнь отца стремилась понасть заграничю, но какъ-то разъ въ послѣдній моментъ явилось какое-либо препятствіе и ему такъ и не удалось побывать въ Западной Европѣ“. Въ 1846 году А. П. Оболенскій записываетъ:

„Надѣялся знаменитымъ Лафатеромъ съ Галемъ путешествовать кисточка находится именно у меня; съ годами она растетъ, а съ нею выѣстъ, не по днямъ, а по часамъ, расстѣвъ во мнѣ яростное желаніе странствовать по Бокему міру. Несмотря на то, наконецъ моего странническаго похода только что не дѣйствило...“

Интересно разсказать о томъ, съ какими трудностями было сопряжено въ то время получение заграничнаго паспорта, даже лицамъ, обладавшимъ большими связями. Для этого Оболенскому пришлось ждать дважды въ Тамбовѣ, съноситься съ Петербургомъ, пользоваться личнымъ благоволеніемъ губернатора и все-таки прождать нѣсколько мѣсяцевъ прежде, чѣмъ, наконецъ, былъ полученъ паспортъ.

Мы, для поправленія финансовъ Россіи, проектируемъ вернуться къ этимъ прежнему и вовсе запретить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ выѣздъ заграничю послѣ войны! Курьезно описаніе преговоровъ къ австрійцѣмъ Насѣдника въ Тамбовѣ.

„Надо вамъ сказать, что 4 ноября ждали въ Тамбовѣ Насѣдника, а проводилъ его, губернаторъ самъ собирался въ Питеръ. Думаю себѣ, дамъ я нѣмъ австрійца и проводилъ Насѣдника; а то вѣдь за хлопотами ничего отъ нихъ не добьешься. Между тѣмъ на свободѣ, съ хромымъ майоромъ сообщъ, описали мы мои большенные прощанья (замѣтите—вѣстные, ничуть не вымышленные) и назвали ихъ, какъ слѣдуетъ, по-латыни. Съ этимъ грустнымъ листомъ въ карманѣ отправился в 5-го числа гусликъ обѣдъ въ Тамбовѣ.“

На половинѣ дороги узналъ я, что Насѣдникъ еще не бывалъ, что его ждутъ съ часу-на-часъ и что нѣтъ упоминанія къ колесному его экипажу по предлагающему ему пути уничтожить самую дорогу: сѣтъ засыплютъ пескомъ и сѣтъ засыпавшихъ замечаютъ. Давать чего,—выѣхалъ, такъ не порочится оный; ѣду назадъ. Выѣхавъ въ Тамбовъ,—торжественно такое, что и описать невозможно: по обѣимъ сторонамъ улицъ тротуары застроены чрезвычайно прочными подпоясками изъ изюминаций. Во всемъ городѣ, кромѣ монаховъ, только двое усюды остались, да я и тѣ что за усюды Самъ посуаетъ: одинъ у Н—го превращается въ настраивающаго и держуется, можно сказать, на ниточкѣ, еда поучится свѣдѣнію, что виденъ экипажъ Насѣдника,—прошай усю! А у другого предводителя усю и того хуже!“

Лѣтомъ 1846 года Оболенскому удалось совершить съ семьей такое путешествіе въ Одессу и Крымъ. А. П. велеть дневникъ этого путешествія, написавъ туза довольно пространно само впечатлѣніе. Главнѣйшее впечатлѣніе, которое отразилось въ дневникѣ въ пути, несомнѣнною горѣ, несмысленно, недостатокъ лошадей, всякимъ провинціальнымъ съ выжиданіемъ. Какою, скверною фазою. Къ тому же путешествіемъ нѣтъ до Харьковъ сопровождаютъ проливной дождь. Оболенскій въ Курскѣ записываетъ:

„Курскіе впечатлѣнія: „Боже мой! Что это такое! Дождь не умолкаетъ ни на минуту. „Бутылки“, непрерывно перенесенны таятуться у Курскъ“, въ который, вѣроятно, и мы выѣхали воротами, сооруженными лѣтислѣмъ курскаго дворянства въ 1823 г. неизвѣстно для чего. Улица, идущая отъ заставы на монастырь, хороша: начинается она пологимъ старомъ Конюшенной и оканчивается сплошными каменными домами, изъ коихъ одна даже въ четыре этажа. Наконецъ, на углу этой улицы Полторацкая гостиница,—такія скверности, какой и вообразить не можно, даже принявъ въ расчетъ и то, что се содержитъ русскій. Говорятъ, что лучше жить во всемъ городѣ. Что-то не вѣрится. Изюминки, изюминки! На этотъ разъ подѣлалась ко мнѣ малостный государь съ усамъ и бровью бороной въ изюминѣхъ платъ, на парѣ лошадей, запряженныхъ въ дрожекъ несма подпоясана; ставша на одну подпояску,—она изъ участивости обвисаетъ до земли; зато другая стремится къ небесамъ. Поѣхали. Почтовая гостиница гдѣ то въ закоутокъ, довольно чисто, но свободѣ только одна маленькая комната. Въ другую: скверно; въ третью—еще хуже. Что будешь дѣлать! Вернулся и расположился чествовать компанія въ грязной Полторацкой гостиницѣ...“

„То-то гостиница мощенъ, но чѣмъ быть не можетъ, потому, между прочимъ, что съ верхней галлереи въ краткое время моего нѣзданія вышло было на дворъ два полные таза разлитыхъ нехорошихъ вещей... Толпа на площадѣ чрезвычайно густа. Не домысливъ сборовъ въ кружки, поставивъ у образовъ, монахи безпрестанно и скорымъ шагомъ спускаютъ по улицамъ съ звенящими колокольцами... При вѣздѣ въ соборъ въ нѣпріятно пораженъ знакомомъ, нѣсколько не подожили на лѣвѣмъ; густая, страшная толпа народу въ затылѣ, отгороженному временно поставленному деревянному, некрашеному и грязною рѣшеткою съ небольшимъ отверстіемъ, сквозь которое пропущено отъ верховъ до времени по нѣскольку человѣкъ принажились къ чуждотворной яхотѣ, ослѣпленной жемчугами и драгоценными камнями и стоящей около кипрса правого прилѣза. Нѣтъ самымъ откровенно сказать на первомъ фронтѣ русскія гостиницы, сказать съ пальмою въ рукахъ и не допустить народъ тѣсниться около прохода, принять крестить во все хлѣба и тронуть пальмою. У чудотворной иконы стоитъ монахъ, а подлѣ него лежатъ, прислонясь къ колоннѣ множество, другой монахъ съ крестомъ въ рукахъ. На противоположной сторонѣ, подлѣ самой иконы, стоитъ какой-то монахъ въ монашескомъ полатомъ, хлѣвъ съ огромнымъ италіанскимъ блокомъ, полнымъ приношеній, и постоянно крестить: Божіей Матері дѣлаетъ Давидъ Божіей Матері... На слѣдующій день... „Дождь и дождь все нѣтъ. Несмотря на это, цѣлая толпа народа, и кто съ 3-хъ часовъ утра... Бѣсъ 10 минутъ въ цѣлые часы дѣлалъ процессіи при посѣщеніи новыхъ перестрой. Народу столько, а онъ до того промокъ, что на балясины, съ которыхъ мы спускались, нѣпріятно было стоять отъ измѣвшаго нѣтъ тяжелою замаху...“

Въ Харьковѣ А. П. записываетъ: „Харьковъ рѣшительно не похожъ ни на одинъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ: красивый, славно обстроенъ, съ большимъ числомъ каменныхъ, чисто спланныхъ домовъ, испещренныхъ вышивками... Была въ нѣсколькихъ милюгахъ и должно сказать правду, что они не уступаютъ московскимъ...“ Но и тутъ гостиница скверная, скверная и „дождь у Крейслера“, въ душномъ харьковскомъ ресторани... „Сегодня ѣдемъ, а между тѣмъ не успѣли дождаться Варугъ барыни! Что такое? Барыня нѣтъ одинъ холостой...“

Доктора, сразу, ну, свѣтѣ!
Сядь ко мнѣ на хвостъ,
Тамъ намъ будетъ веселѣ...

Кто илеть? — Союзаты.
 Это что? Назиды!
 Вотъ, оберъ-капралъ,
 Уинтеръ-генералъ.

Фаустъ.
 Что горитъ во мнѣ?
 Посреди, въ котлѣ,
 Что кипитъ?

Бѣсъ поварень.

Посмотри, — уха!
Погляди, — щари!
Фаустъ.
О! Вари, вари!

$$X_{\alpha} = X_{\alpha}!$$

Посмотри, — уха!
Погляди, — щари!
Фаустъ.
О! Вари, вари!

О. Вери, вери!

 $K - k$

Мастеро* — наш популярное дело у нас, которым до науки и искусства меньше дела, и даже кому бы ни было в Европе. В этом человек большая специальная ученость сочетается с большими литературными талантами. Изм. написана единственная во всей европейской литературе общая история египетского искусства, переработанная по самым свежим данным к 1912 г. для серии *"Histoire generale des arts"*, выходящей одновременно на языках французском, немецком, итальянском, английском, испанском и русском (изд. *"Problème Esthétique"*). Принадлежат книги к этой серии служат до известной степени руководством к изучению искусства. И действительно, несмотря на то, что она печаталась в военное время, издания прекрасны, на хороших бумагах.

Начало египетского искусства терпится в неопределенной древности, и восстанавливать первые страны его истории наука не берется. Это мерзая вещь, пока ты понаешь в глубины впадок исходной точки до угасания солнца египетской культуры во всяком случае насчитывается с полною точностью больше сорока столетий. Но египетское искусство продолжает жить в своем величии на все поселяющее европейское искусство: оно живет и в формах, и в техниках, и в символах, оно дает нам бесконечные уроки, и то, что ты не можешь постигнуть, постигнешь, и ты не знаешь, что ты постигаешь. Дарить бесмертие прав Египта шлоко, еще новые и новые памятники, на протяжении тысячелетий, ни разрушительная работа всевозможных варваров, народонаселения. Нильскую долину, не помнящую египетскому искусству востать из праха из ослепительной красноты и царственного величия. Если вспомнить, что это нильцы до Великой пирамиды и Гизы, сфинкса, только остаток, что многого мы еще не знаем, а много никогда не узнаем... Ничто так убедительно не говорит о чужбине прекрасного, как египетское искусство. Даже когда разглядываешь прах и утратил эту форму (если не считать Коопсов, тогда не было ни пирамид, ни сфинксов, ни иероглифов, и царственный взгляд великого сфинкса современен сейчас, как в те дни, когда его окулали жрецы и поклонники).

Мастер, который сам был восприимчивым к жизни искусства, предмету египетского обихода и искусства (у того названного Народом Искусство всегда жилось ремеслом, поэзия полагалась прозой жизни), с провизорскими чуткостями уметь выявлять скрытые арханы и устоявшие за египетскими искусствами чуждые элементы плеча, мудрого, трогательного, бездельные залоги и неполоманные устои. Его книга — одна из тех немногих, которые ведут прямо и банально подводить к пониманию искусства вообще.

А вот безвкусицей, какой-то „полуглухой“ перевод и немудякая путаника передача египетских имен, непростительны. У нас жила Масpero, но толковый редактор-египтолог, нашёлся бы и в России.

Н. Лернеръ.

ПО ПОВОДУ НЕИЗВѢСТНЫХЪ ПОРТРЕТОВЪ.

Шестой портрет, помещенный на стр. 15 № 58 журнала (рис. В. Нав, 1844), дама в черном платье, сидящая на кресле с высокой спинкой, есть портрет Марии Константиновны Толстой, рожд. Бенкендорф, р. 1818—1845, супруга генерал-майора Павла Матвеевича Голенищова-Кутузова-Толстого.

Гр. П. К. Бенкендорфъ.

В № 58 журнала „Столица и Усадьба“ воспроизведены портреты неизвестных лишь имя человека находившихся в Московском Историческом Музее. К сожалению, не указано, какие это портреты: рисунки, гравюры или автографы? Помимо этого, помня портреты, было бы желательно приводить всё относящееся к ним письма, а также портреты нумеровать.

[illegible]

В. Адриксон

ИЗЪ ЭКЗОТИЧЕСКИХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

— Помните рассказ, является, у Джорджа Уэлса, об «ускорителе времени». Это какой-то алкасар, изобретённый героем рассказа. Капля этого алкасара ускоряет течение времени на десятки, сотни, тысячи раз... Много начинают работать слух, мысль, перекакивает за одну секунду промежутки из тысяч лет, и не только мысль, а все органы чувств начинают работать такими же образно, и поэтому все происходящее кажется божьим магом с божьей быстротой. В течение дня можно пережить то, что случено еще только божьему.

Очень оригинальная мысль, тем более, что это не противоречит науке: относительность времени доказывалась теперь и философски, и математически.

— Къ чему вы это начали вдругъ говорить? Видъ мы гово-
рили о ванѣ.

— Вот, когда! Это совершенно логичное следствие разговора о вину. Я считаю, что таким ускорителем времени является вино. Может быть не достаточно концентрированный алкоголь принесет, слишком разбавленный, но свойства его несомненно, будут способствовать ускорению времени. Вино обладает ценностью непредсказуемой. Когда человек окружает себя такими мыслями, из которых не вытекает, вино сразу выносит из другую атмосферу и очищает горизонты. Может быть потом, быть отстранен от этого ускоренного движения и снова оступится в прошлое, но вину не вернуть. Вино не может быть забыто остро. Давнишня истина, что «время заледенело, равно» а вино ускоряет течение этого времени.

— Вы читали эти два замечательных описания первых путешествий русских вельмож за границу. Русский вельможа Денисов побывал в конце XVIII столетия в Германии, Франции, Голландию, а фельдмаршал Шереметев — в Италию. Из впечатлений весьма курьезны и то удивительно, совершенно различны, хотя были они одновременно.

— Не совсемъ одновременно! Шереметьевъ на сто лѣтъ раньше, а Петръ и Демитрій — оба Александръ I.

— Вотъ страшно, а я не замѣтала этой разницы, мнѣ показалось, что они одновременно были.

Разговоры происходили в кабинете одного из потомков этого немалого, коллекционера, мецената, любителя старины и это неминуемо он сам пропускал эту разницу в сто злтых.

Така пишеться історія.

СТАНСЫ КЪ MALIBRAN.

Альфреда Моссе.

Перевод С. А. Андреевского.

Конечно, о тебе уж поздно говорить:
Прошло пятнадцать дней, как ты взята землей.
А люди в этот срок способны находить
Утрату сиюжую—бездельной стариком,
И как свое печаль мы громко изложим,
Но плакать и грустить не вольноустамь.

Мари—Фелиция! художники и поэты,
Когда они умирают, живут в своих твореньях;
Во тьме забвения от них сверкает слава;
Отвсюду черпая из небесных аюловенья.
Они противятся и смерти и судьбе.
И с честью падают, как воины, в бою.

Одним святуго мыслъ на металлъ воплотила.
Подъ рѣчю звучную поетъ се другой, —
И тотъ ужъ другъ ему, кто стихъ его читаетъ.
Могучій Рафаэль картиной неземной
Украшилъ полотно — а вотъ ему, путя,
Даютъ безмеріе Маловикъ и Дитя.

Выставка Независимых. 1916.

Выставка Независимых 1916.

Рисунки выставки 1936.

Восстановление растений 2016.

Забавілі і хресты! Безмежныя могилы...
Воть самшито; втєрохъ отъ моря пролетѣлъ,
Вотъ пѣсни рыбака звучать напѣвъ унылый...
Мари! Но отъ тебѣ, чей образъ такъ блеснѣлъ,
Чей товося намъ далаъ святое наслажденье,—
На вѣдохъ слѣзбго, на ахъ и на отчаяннѣи...

14

Графиня Людмила Николаевна
Воронцова-Дашкова
(по первому браку Ушкова).

Соб. фот. „Ст. и Уд.“.
Снимать Я. В. Штейнберг.

Любительский спектакль въ залѣ „Комедия“. Оперетка „Шалунья“.
Участвующіе (сѣла въправо)—Н. А. Дюперонъ, Л. М. Дольскій, В. З. Юрѣн, П. Р. Ери-
ченко, Н. А. Бобровскій, Н. П. Целибѣевъ, г. Ольгинъ, В. М. Рыдзевская, г. Бакановъ, Л. А.
Анненская, г. Алексѣевъ, Б. М. Слѣдзевская, С. В. Ростовщевъ.

Собств. фот. „Св. и Уг.“.
Снимать Я. В. Штейнбергъ.

В. М. Рыдзевская, артистка любительница,
примадонна въ свѣтскихъ опереткахъ.

Княгиня Енатъ Алексѣевъ. Елецкая,
художница любительница. Княгиня рисуетъ
рядъ картинъ изъ военной жизни, для чего
ѣздилъ на фронтъ.

„Св. и Уг.“—№ 60—61.

МИНИАТЮРА.

— Не казавший счастья в действительной жизни, Прудиус угодил на крыльях искусства в царство сказочной любви.
(Р. Мюллер, *История Вилониски*).

Я видел долго и ясно, так что запечатлелось резко в мозг, такой сон.

Предстоит какие то экзамены, не то в гимназии, не то в университете, многое надо выучить, экзамены рѣшающий, а я ничего не дѣлаю, все откладываю. Внутри безпокойство, все успеваюшееся, и все таки ничего не готовлю.

Потом вычеркнути из сознания какой то промежуток, не запоминая, а только уже послѣдний момент: завтра экзамены, у меня ровно ничего не сдѣлаю, успѣть уже нельзя и я въ ужас, так как выдержать необходимо, это крайне важно, от этого зависит жизнь... Состояние крайне непріятное, даже мучительное, полная безвыходность.

И въ это время я просыпаюсь. Просыпаюсь видимо не совсѣм, так как продолжаю думать объ этихъ экзаменахъ.

«Какъ хорошо, что я ничего не дѣлалъ... Пропало бы все напрасно: вѣдь это только сонъ».

И охватываетъ радостное чувство.

А теперь, днемъ, мнѣ дѣлаетъ сама собою въ мозгъ другая мысль.

«А когда проснусь отъ сна жизни, какимъ напраснымъ покажется все, и даме эти строки!»

Потому я и записалъ ихъ.

Я еду изъ Южной Америки. Тамъ вспоминалъ исторію этого Нового Свѣта. Перу, Чили, Аргентина. Сколько именъ, сколько людей! Въ жаднѣ золота бѣжали въ другой неизвѣдомый міръ, рисковали жизнью, рвали съ родной семьей и землею предковъ, ради золота и ради славы. Они убивали, потому убивъ ихъ... или умерли. О нихъ забыли, пришли другіе.

Мы, отдаленные отъ нихъ на нѣсколько столѣтій, ѣдемъ сейчасъ черезъ экваторъ, черезъ полчаса пересѣкаемъ его. Тутъ вѣчна зима, вѣчная зима, сдвѣдана зѣлѣность и вѣчная зима... Такая же зима была и тогда, когда ѣхалъ Колумбъ, Балбоа, Пизарро. Это вѣчное. А мы умремъ.
Эта проклятая мысль всегда мѣшаетъ. Всего вѣра и рѣшенье не углубиться въ смыслъ вещей, такъ какъ смысла все равно не найти; только вѣра рѣшилъ жить просто, какъ другіе.

Такъ соштовалъ, между прочимъ, тотъ же Павло въ Буную Алрестъ. Работать, создать свое благосостояніе, потомъ помогать другимъ: хорошо, просто. Приблизительно также, только въ большемъ упрощеніи, безъ всякаго благосостоянія, соштовалъ мнѣ и Левъ Толстой. (А самъ жилъ не такъ?).

Павло успѣлъ. Другіе погибаютъ, подаяютъ въ борьбѣ, а онъ нажилъ себѣ мѣшочку, онъ богатѣетъ, счастливъ. И когда болѣе полновѣстная жизнь прошла, когда притупилась радость жизни, но зато уже было полное благосостояніе, ослѣдла жена, самое любимое для него существо въ мірѣ, ради котораго онъ можетъ быть и работать. Семья разбита.

Иронія зла, желчная, злобная... Это Богъ, это судьба!

И жить послѣ этого какими то планами, по какой то системѣ. А она придетъ въ моментъ завершенія системы и одной кривой гримасой разрушитъ трудъ жизни. Проклятая!

А какъ же быть? Жить, пока жизнь не прошла... Жить сегодня, потому что завтра можетъ быть не будетъ...

Эпиграфъ.

На благотворительномъ вечерѣ у О. К. Карабчевской, хозяйки дома выступала въ роли оживающаго портрета въ миниатюрѣ «Вальсѣ пропалаго». Партнеромъ ея былъ блестящій артистъ Ю. А. Васильевъ. Мелодраматизмъ Н. Н. Холодова и Е. Б. Вильбушенка.

Екатер. Эри. Ниманъ, выступавшая въ свѣтскихъ балетахъ, затѣмъ танцовала за границей въ балетѣ Диглиева. Паскалъ рецензія о балетѣ въ петроградскихъ газетахъ.

Е. И. В. Государыня Императрица Мария Феодоровна
в лазаретъ Милосердія Внутреннихъ Дѣлъ, въ Кіевѣ.

Въ группѣ: А. Н. Яковлевъ, заведующій лазаретомъ, Е. Д. Никольскій, Е. Забугинъ,
г-жа Савостьянова, графиня М. Ю. Игнатъевна, А. Е. Дитя, губернаторъ графъ
Ал. Пав. Игнатьевъ, Вик. Щура, Девъ, вице-губернаторъ, П. Мих. Гудимъ-Левковичъ,
Кіевск. уѣздн. предвѣдъ дворянства, Рем. Фед. Черненко, г-жа Зезонская и друг.

Мар. Иван. Горденко,
рожд. Радвиловна. Сестра милосердія Александровской Общины; работаетъ съ начала войны при
Николаевскомъ Кавалерійскомъ Учлищнѣ.

Сестра милосердія Кіевской Маріинской Общ., супруга г.-лейт.
Елена Мих. Павлова.

Въ им. „Жизновка“ Кіевской губ., Липовецкаго уѣзда открыла
лазаретъ для раненныхъ воиновъ,
въ которомъ исполняютъ обязан-
ности сестры милосердія. Во
время Русско-Японской войны
также работала сестрой ми-
лосердія.

Сестра милосердія
Тат. Серг.
Андреевская,
дочь орловскаго гу-
бернатора.

Профес. Вас. Леонид. Яковцевъ,
товарищъ презс. Михайловскаго Скобе-
левскаго Общества, заживующій лазаре-
тами (имени Вел. Князя Сергія Михайло-
вича, Михайловск. Скобелевск. и др.)
его супруга (недавняя свадьба) Екат.
Никола., по первому браку графиня Клеи-
михель (устроила лазаретъ своего имени).

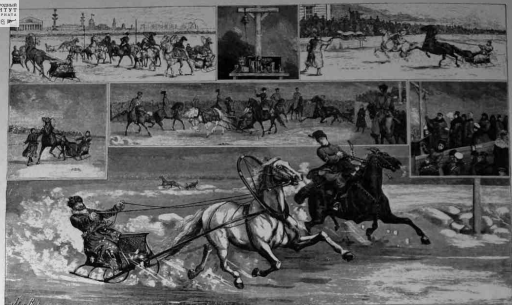

Маріан. Эрик. Дерфельдентъ,
сестра милосердія Свято-Троицкой общины.

Графиня
Инна Серг.
Юмилъи
де-Шевильи
(недавняя свадьба),
рождени. Неслухов-
ская, со своимъ лю-
бимцемъ
книгъ - чарльзомъ
„Миньло II“.

Объездка лошадей.

Въ ожиданіи.

Столь съ призама.
Послѣ бѣговъ.
Побѣдителя.

Остановка передъ флагомъ.

Сигналъ.

Петербургъ. Рысистые бѣга на Невѣ. Гранюра на деревѣ 1880 г.

ПОСЛѢДНІЕ БѢГА НА НЕВѢ.

Въ „Ст. и Ус.“ появлялись нѣсколько разъ характерные снимки съ гравюръ и литографій, изображающихъ самые бѣга на Невѣ, утоптанномъ снѣгѣ на ровномъ лѣду, который замѣнилъ нынѣшнюю дорожку.

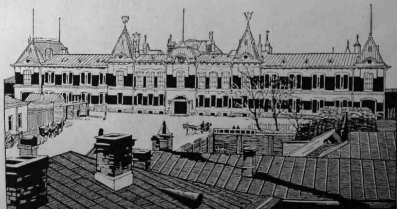
О бѣгахъ на Невѣ въ 1880 г. въ современной печати читаемъ: „Въ нынѣшнемъ году конские бѣга на Невѣ противъ Зимняго двора начались 20-го января. Первое рысистое испытаніе лошадей началось состязаніемъ на призъ „общества любителей рысистаго бѣга“, учрежденный въ память графа А. Г. Орлова-Чесменскаго. Между прочимъ, тогда первый 1000-рублевый призъ получалъ сѣрый жеребецъ С. С. де Бонъ „Дамы“, сдѣлавшій 3-хъ верстную дистанцію въ 5 мин. 39 сек.

Въ тотъ годъ бѣга не состоялись 27 января, 3 и 16 февраля—первые два „по причинѣ оттепели и проваливавшегося по этой при-

чинѣ гипподрома“, а послѣдніе изъ-за мороза. Спортивная хроника того времени сообщала, что „выстроенный въ нынѣшнемъ году трибуны для публички просторнѣе прежнихъ, но двери пропускаютъ сквозной вѣтеръ, а садящимъ въ низко устроенныхъ ложахъ трудно усадить за бѣгомъ, вину стоншей передъ ложами публики“.

Наконецъ 10 февраля бѣга состоялись. Въ этотъ день составились и тройки—побѣдилъ извозникъ А. Дмитріевъ. 14 февраля призъ Общества для троекъ вскачь достался барышнику Холодцу, тройка котораго „проскакала въ 9 мин. и 14 сек. разстояніе въ 5 скаковыхъ круговъ“.

Въ спортивной лѣтописи слѣдующаго года находимъ уже сообщеніе о бѣгахъ на Семеновскомъ плацу.

Видъ главнаго трибуны на Семеновскомъ плацу (теперь).

она выбирала зернышки из смородины или обрывала лепестки
отъ, фиалок, акаций. Во время этой работы Прасковья заставляла
Есть изобильный гимн!

Для варки из продолговатых изскользких дней она запиралась в своей комнате с псалмисницей, больше никого туда же не пускала. Только дочь ее брата была поинициала из эти тайны, и она постоянно охраняла их, точно две весталки надъ священнымъ огнемъ.

Когда все было готово, охоты созидались двинулись, охоты замолчали переводить эти шедевры кулинарного искусства, тщательно наложенные в горшки, завернутые бумагой и устанавливали их на из потребности, для из печала.

—Между тем, Машка, так как это была осень, приближалась к своей старой лошади, маленькой и до жалости худой. В ее «биде» было так мало места, что ей даже было трудно держаться на пашках, если не будем, в такой позе, что его ноги и подбородок могли встретиться при каждом толчке. Она пряталась от солнца под удивительно желтым зонтам. По этому зонтам всегда можно узнать, что перед нами Машка.

Оставшаяся наедине с неподеленкой ои замка, Мюшча сложила свой окелтый зовть и, оставив лошади на трант, отправилась во дворъ. У насъ обыкновеніе, что маленькіе, незначительные люди приближаются къ дому поминками пѣснями.

...Видь себя от гниаа говорила Прасковья, стоя передь графиней —
— Такая свобода из домѣ графовъ Мавринныхъ! Но и проща-

[illegible]

Фамильная церковь — красное здание из византийского духа. Внутреннее убранство просто, иконостас картины на религиозные сюжеты. По древнему местному обычаю, все святые представлялись в лицах тех членов семьи, которые носят их имя. Изображение Александра занимает место по правую руку. Он изображен держащим в руке псалтырь, на котором изображены

— Очевидно, интересно — говорил микровз — видеть васъ превращеннымъ въ жителя рая.

— Не правда ли? — возразил Александр. — Моя жена говорит, что не может молиться перед иконой Св. Александра так, как ей кажется, что она молится перед мамой, погребенной...

Рис. 1. Дифрак. картина

АМЕРИКАНСКАЯ РЕКЛАМА

„Время—деньги“ не только фраза для американца. Это его глубочайшее убеждение, и часть времени там стоит совершенно определенную сумму центовъ или долларовъ.

Посмотрите американские журналы.

Почти в каждой толкотне есть на своеобразие рекламу — «У вас есть большой капитал, берегите его — это время»... «Лучше истратить деньги, но сэкономить время — время дороже всего»... «Как нажать миллион? очень просто: нужно уметь распоряжаться своим временем»... И т. д.

Вот, характернейшая американская реклама. Встраницу журнала напечатаны календари, причем в каждой неделяе не семь дней, а восемь, и вь мь-снц, такимъ образомъ, тридцать пять дней! Подъ этимъ календаремъ поинтересная надпись: «Если вы хотите, чтобы наша жизнь шла по такому календарю, чтобы у васъ было 8 дней въ неделяхъ—обратитесь къ намъ за совѣтомъ, мы васъ научимъ—это очень просто. Сдѣлать».

Рекламы такого рода все множатся в Америке. Теперь, в особенности, когда Северная Америка богатеет с каждым днем на счет обезумевшего Ста-

раго Свѣта, тамъ еще больше цѣнѣть время. — „Каждый можетъ быть миллионеромъ, нужно только имѣть для этого время“... „Дѣло не въ долларахъ, а во времени — если вы сумеете найти у себя лишніе часы, вы легко создадите миллионъ долларовъ“... „Нѣтъ, ничего цѣннее времени: доллары можно заработать, а потерянное время нельзя купить“...

Вот тут и в последнюю фразу заключено, может быть, больше смысла, чѣм думаютъ сами авторы: именно доллары можно зарабатывать, а потернну жизнь нельзя купить ни за какіе деньги. Когда уйдетъ молодость, когда уйдутъ лучшие годы на то, чтобы создавать только доллары, то вотъ тогда эта истина встанетъ передъ человѣкомъ съ особой силой и истинно и горько. И неизвѣстно, кто будетъ лучше себе чувствовать, тотъ ли кто старался использовать свое время на радости бытія жизни духа, или тотъ кто только копилъ доллары.

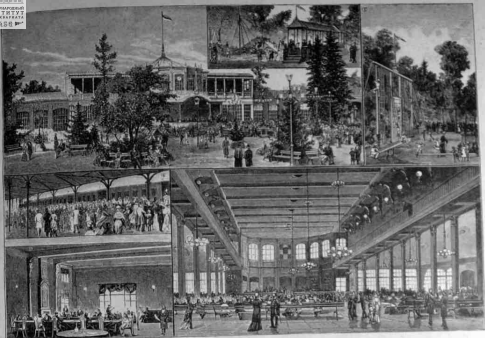
Мы, европейцы, тоже и отличаемся от американцев, что те же самые понятия толкуем иначе, чем они: для них есть только одно толкование — доллар, для нас разные. Они идут прямо, мы — оглядываемся...

Кто правъ—
неизвѣстно.

Старый
европеец.

„Купальный сезон“
Рис. автор. 1980 г.

Павловский дворец в 1880 г. 1) Перед оркестром. 2) Гигантские шаги и кетан. 3) Гимнастика. 4) Посадки пейзажа. 5) В концертном зале. 6) Читальня. (Гравюра из альбома 1882 г.)

«Павловский вокзал» является популярнейшим из мест дачного препровождения времени»...

Эти слова одного из современных нам путешественников по Петербургу и его окрестностям буква в букву повторяют сказанное в разное время их предками-путешественниками по старому Петербургу. Старший источник в этом отношении — Описание Санкт-Петербургской губернии

Ивана Пушкирева (1842 г.), в заключение своего о Павловском читателя:

«Устройство железной дороги из Царского Села в Павловск доставляет нам возможность жить в Столице, искать почти сосной, пользоваться удовольствиями приятной прогулки в Павловском саду. С открытием весны, до самой глубокой осени, ежегодно собирается в Павловск многочисленное общество, для праздничных выступлений, деревенский общинный вокзал, в котором даются балы, концерты и обеды».

То же встречаем и в 1862 г., но в другом издании — «Русском художественном альбоме». «Северном Сибире»:

«Нашим было бы пересказать всем известные праздники Павловского вокзала, триумфы Гумана и Струва и все дачные потехи, которые сами собою воскресают из памяти посетителя вокзала».

В 1882 г. никто В. М. не писал по «Всемирной Иллюстрации»: «Первые звуки оркестра раздаются в Павловском вокзале рано в три четверти восьмого, на минуту раньше и на минуту поздне. Такая пунктуальность дирижера, не позволяющая себе никакой лени, никакого отступления от установленного правила.

Оркестр играть в саду. Многоочленные толпы слушателей разбегались на скамейках, скопились у самой эстрады или прогуливались, описывая круг, оглядываясь».

Сравнение Павловск и его развлечения с другими петербургскими, обзорными театральными-музыкальными жанами конца 70-х гг. писал:

«Совсем другую статью представляет Павловск. Туза надо хватать за двадцать пять, переть по железной дороге, так что очень часто не разбегается. Поэтому в Павловск публика идет, требующая кой-чего другого, кроме очиненной с бутербродами для пива. С пивом так ведется в Петербурге, что в Павловск надо быть одетым параднее, чем на каких бы то ни было гуляниях. Тут просят, собственно говоря, если не воспринимать, то восстать на выставку народа и человеческого чина».

Другой обзоритель того же времени, отбывая только что написанное в Павловск эстетическое осуждение, своеобразно сходил:

«Нашим было бы пересказать всем известные праздники Павловского вокзала, триумфы Гумана и Струва и все дачные потехи, которые сами собою воскресают из памяти посетителя вокзала».

«В 1882 г. никто В. М. не писал по «Всемирной Иллюстрации»: «Первые звуки оркестра раздаются в Павловском вокзале рано в три четверти восьмого, на минуту раньше и на минуту поздне. Такая пунктуальность дирижера, не позволяющая себе никакой лени, никакого отступления от установленного правила.

Павловский вокзал в 1880 г. (С гравюры из альбома 1882 г.)

Д. Бр.